

**Пушкинская юбилейная
литература**

1899-1900 г.г.

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
П91

П91 Пушкинская юбилейная литература: 1899-1900 г.г. / – М.: Книга по Требованию, 2017. – 348 с.

ISBN 978-5-517-96688-9

Критико-библиографический обзор

ISBN 978-5-517-96688-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2017

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2017

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Чествованіе столѣтняго юбилея со дня рожденія А. С. Пушкина.

Послѣдніе годы XIX-го столѣтія въ исторіи русской литературы, несомнѣнно, должны быть отнесены къ эпохамъ переходнымъ. Это — смутное время исканій новыхъ путей въ искусствѣ, печальная пора, не отмѣченная пока ни однимъ еще именемъ, подъ знамя котораго могла бы собраться современная и будущая русская литература. Старое, повидимому, отжило,—новаго свѣтлаго пока не видно. Истекшій вѣкъ оставилъ насъ на развалинахъ того величественнаго храма, созиданіе котораго началъ Пушкинъ, а докончили его великіе ученики, занявшіе почетныя мѣста въ пантеонѣ міровой поэзіи. Въ этомъ храмѣ въ теченіе прошлаго вѣка возносились славословія, молились „всечеловѣку“, озаренному свѣтомъ гуманности и красоты,—теперь, на зарѣ новаго столѣтія, мы слышимъ гимны „сверхчеловѣку“, слышимъ холодную проповѣдь эгоизма и самообожанія, требованія въ искусствѣ полной индивидуализаціи. Оттого современные литераторы всѣ стоятъ какъ-то особнякомъ, нѣтъ сильныхъ вождей, нѣтъ ясныхъ направленій,—каждый бредеть въ свою сторону, у cadaго своя смутная *profession de foi*, которая никого не спасаетъ отъ поразительно-быстраго мельчанія и выдыханія.

При такомъ угнетенномъ настроеніи русской литературы пришлось праздновать столѣтній юбилей Пушкина. Понятно поэтому, онъ долженъ былъ получить своеобразную окраску, сравнительно съ той, какой отмѣченъ былъ пушкинскій

праздникъ 1880-го года,—тогда было время кипучей литературной жизни: передъ нами — рядъ великихъ вождей, рядъ литературныхъ группъ съ опредѣленными знаменами. Оттого праздникъ 1880 г. оказался „литераторски.мъ“, такъ какъ главную роль играли въ немъ писатели. Великаго учителя поминали его уже сѣдые ученики, правда, далеко разошедшіеся въ разныя стороны, но дружно собравшіеся на праздникъ къ подножью его памятника.

Юбилей 1899 года представилъ совсѣмъ другую картину. Начать съ того, что идейныя теченія русской общественной мысли значительно усложнились: г. Минскій, при помощи Вл. Соловьева („Идея сверхчеловѣка“), насчиталъ такихъ теченій *шесть* (вмѣсто прежнихъ *три.мѣ*): экономическій матеріализмъ, отвлеченный морализмъ, демонизмъ сверхчеловѣка и три старыхъ — радикальное народничество, просвѣщенный либерализмъ и, всѣмъ имъ враждебный, консерватизмъ¹⁾. Естественный выводъ изъ такого положенія, что единодушія въ настроеніяхъ и интересахъ нашего „передового“ общества стало меньше, а потому и отношеніе къ національному празднику будетъ болѣе пестрымъ, менѣе опредѣленнымъ, слѣдовательно, менѣе горячимъ. И, дѣйствительно, на праздникѣ 1899 года почти нѣтъ ни литераторовъ, ни публицистовъ,— за то на первое мѣсто выступаютъ *историки*: академики, профессора, учителя.. Въ разныхъ углахъ Россіи говорятъ они о Пушкинѣ, толкуютъ его произведенія, величаютъ его заслуги! Не свидѣтельствуешь ли это обстоятельство о томъ, что Пушкинъ потерялъ органическую связь съ теперешнимъ поколѣніемъ литераторовъ, что теперь онъ принадлежитъ *вѣкамъ*, а не *эпохѣ*, что онъ — достояніе *исторіи*, а потому и говорить о немъ, судить его,— дѣло науки... Вотъ почему мы съ полнымъ правомъ назовемъ праздникъ 1899 года „академически.мъ“²⁾.

¹⁾ Н. Минскій, „Завѣты Пушкина“, „Міръ Искусства“, 1899, № 13--14, стр. 21.

²⁾ А. П., называетъ праздникъ 1880 года „литературнымъ“, говоря же о нашемъ торжествѣ 1899 года, соглашается съ однимъ ораторомъ, назвавшимъ его праздникомъ „педагогическимъ“ (А. П., „Пушкинская литература“,

Великій поэтъ, не погасая въ памяти народной, отдаляется отъ насъ на то разстояніе, съ котораго всѣ смотрятъ теперь на Шекспира, Гете и другихъ міровыхъ геніевъ. На такой высотѣ, на такомъ разстояніи величавый образъ теряетъ случайныя, мелкія черты, свои и наносныя,— на немъ выдѣляется рельефнѣе все типичное, характерное.. Но прежде, чѣмъ приблизиться къ болѣе вѣрному историческому пониманію его, мы должны еще очень многое объяснить себѣ, провѣрить все, что было сказано раньше, пополнить наши знанія рядомъ подготовительныхъ академическихъ работъ.

По этой причинѣ нельзя не привѣтствовать отъ души нашъ „академическій“ юбилей 1899 года,— онъ далъ намъ рядъ доказательствъ того, что начинается серьезное изученіе Пушкина „ради Пушкина“. Въ наши дни начался пересмотръ установившихся мнѣній, „общихъ мѣствъ“, провѣрка авторитетовъ... Ниже мы услышимъ не разъ сомнѣнія въ правильности точекъ зрѣнія Достоевскаго, Бѣлинскаго—тѣхъ краугольныхъ камней, на которыхъ до сихъ поръ зиждется пониманіе нашего великаго поэта. Недавній авторитетъ, „рыцарь минуты“, Писаревъ не далъ ни одного представителя на нашемъ праздникѣ.

Особенность геніальнаго писателя — это даръ такъ глубоко захватывать жизнь человѣчества, что цѣлыя вѣка потомъ трудятся надъ толкованіемъ его произведеній, каждая эпоха находитъ въ нихъ новыя стороны, указываетъ новое содержаніе, освѣщаетъ ихъ съ новой стороны. Произведеніе генія— это историческое явленіе, вѣчно живое, подлежащее суду исторіи независимо отъ личности его творца. Разнымъ судомъ приходится иногда судить человѣка и его дѣло, такъ какъ часто даже великій историческій дѣятель слишкомъ узко, односторонне смотритъ на свою работу, творитъ ее порою почти безсознательно,— пройдутъ вѣка и дадутъ оцѣнку, которой, можетъ быть, и не ожидалъ самъ писатель...

„Вѣстникъ Европы“, 1899, № 7, 416.). Едва-ли это точно. Педагоги, съ ихъ рѣчами, часто весьма содержательными, теплыми и искренними, сыграли въ 1899 году роль огромнаго, довольно хорошо спѣвагося хора, — солистами же, давшими характеръ празднику, выступили не они, а изслѣдователи, авторы монографій и всевозможныхъ этюдовъ по разнымъ пушкинскимъ вопросамъ.

Ты Моцартъ — богъ! *и самъ того не знаешь!*

— сказалъ пушкинскій Сальери Моцарту,—и намъ кажется, что многіе геніальные люди, *сами того не зная*, надѣленные какою-то таинственною „божественною“ силой, выхватывали такія страницы изъ исторіи человѣческой жизни, которыя впоследствии наполняли благоговѣйнымъ ужасомъ сердца критиковъ, умѣвшихъ „музыку разъять, какъ трупъ“, „повѣрить алгеброй гармонию“... Геній всегда принадлежитъ своей эпохѣ и націи, но его безсмертныя творенія принадлежать всему міру и вѣкамъ... Иногда, независимо отъ себя, онъ въ своихъ твореніяхъ рѣшаетъ тѣ высокія проблемы человѣческаго бытія, которыя общи всѣмъ народамъ и эпохамъ. Скромна была задача Сервантеса, когда онъ творилъ Донъ-Кихота, однако онъ, „самъ того не зная“, нарисовалъ міровой и вѣковой типъ. Нѣкоторые современные нѣмецкіе критики отрицаютъ въ „Фаустѣ“ всякую „надуманность“, всякое желаніе высказать устами героя гетевскія идеи,—это только драматизированная легенда, которая въ обработкѣ генія сдѣлалась вѣчнымъ и міровымъ созданіемъ. Иногда случайность создавала великія творенія, только никогда эти великія „случайныя творенія“ не выходили изъ рукъ ничтожныхъ писателей.

Вотъ почему дѣятельность геніального писателя можетъ обсуждаться вѣками,—забудется его жизнь, померкнетъ его образъ (напримѣръ, греческіе трагики, даже для многихъ—Шекспиръ, Сервантесъ...), его твореніе оторвется отъ него и сдѣлается достояніемъ міровой цивилизаціи, высоко возвысившись надъ живой, измѣнчивой волной той текущей литературы, которая отвѣчаетъ запросамъ минуты...

„Пушкинъ принадлежитъ къ вѣчно живущимъ и движущимся явленіямъ, не останавливающимся на той точкѣ, на которой застала ихъ смерть, но *продолжающимъ развиваться въ сознаніи общества*. Каждая эпоха произноситъ о нихъ свое сужденіе и, какъ бы ни вѣрно поняла она ихъ, но всегда оставитъ слѣдующей за нею эпохѣ сказать что-нибудь новое и болѣе вѣрное, и ни одна и никогда не выскажетъ всего...“¹⁾

¹⁾ *Бѣлинскій*, Соч., VI, 58.

Эти слова Бѣлинскаго замѣчательно вѣрно характеризуютъ всеобъемляющую, широкую и глубокую дѣятельность всякаго геніальнаго писателя, Пушкина въ частности,— они прекрасно оправдываются теперь, когда намъ, на столѣтнемъ праздникѣ поэта, приходится пересматривать массу тѣхъ сужденій, что высказаны были до 1899 г. и послѣ него. Много сказано и вѣрнаго, но много осталось еще сказать, такъ какъ Пушкинъ — „вѣчно живущее, движущееся явленіе“, „продолжающее развиваться въ сознаниі общества“...

Правда, слышатся смѣлыя увѣренія, что Пушкинъ ясенъ вполне и теперь, но рядомъ съ этими самоувѣренными рѣчами, отъ болѣе чуткихъ критиковъ мы слышимъ, что для нихъ Пушкинъ еще непонятенъ.

Лермонтовъ, Гоголь, Некрасовъ,— все это вполне опредѣленныя фізіономіи, съ именемъ же Пушкина у большинства связывается „представленіе чего-то большого, но довольно смутнаго и неопредѣленнаго“ ¹⁾. „О Пушкинѣ писано и переписано, и замѣчательно, что вы въ этихъ, по истинѣ безчисленныхъ, статьяхъ почти не найдете двухъ одинаковыхъ мнѣній, и разнообразіе ихъ прямо одуряющее; чувствуешь, что какъ будто очутился среди несыгравшагося оркестра со всевозможнѣйшими инструментами и артистами, начиная отъ первоклассныхъ и кончая совсѣмъ „малыми и нисколько не безсмертными“. Это съ любой точки зрѣнія характерно, такъ какъ указываетъ и на трудность задачи, и на сложность натуры Пушкина, и на разнообразіе мыслей и настроеній, въ его книгахъ иногда поразительное. Онъ возбуждалъ къ себѣ любовь, доходившую до преклоненія, онъ возбуждалъ и презрѣніе, и ненависть; полубогъ, пророкъ, провозвѣстникъ— для однихъ, онъ оказывался пустымъ, хотя и ловкимъ стихоплетомъ для другихъ; вызывая къ себѣ огромное вниманіе со стороны почти всѣхъ выдающихся людей пережитыхъ нами эпохъ, онъ накопилъ на своей характеристикѣ слѣды самыхъ различныхъ историческихъ настро-

¹⁾ П. Ф. Гриневичъ, „А. С. Пушкинъ“, „Сборн. Русск. Бог.“, 1899 года, 2 стр.

еній, порою глубокихъ, порою случайныхъ, и все же знаемъ мы его очень мало, а знаютъ его полностью, во всѣхъ изгибахъ его блестящей и прихотливой натуры лишь всевѣдующіе составители учебниковъ и свадебные генералы нашей литературы“ ¹⁾. „Не только въ области критики, но и въ общественныхъ группахъ настоящее мѣсто Пушкина еще не опредѣлено. Славянофилы и патриоты называютъ его своимъ, ссылаясь на „Клеветникамъ Россіи“ и „Бородино“, западники же приводятъ его слова: „чортъ догадалъ меня родиться въ Россіи!“... Либералы благоговѣютъ предъ „Одою свободѣ“, „Кинжаломъ“, „Сѣятелемъ“; консерваторы указываютъ на то, что Пушкинъ былъ аристократомъ и въ концѣ жизни приблизился ко двору. Утилитаристы и педагоги привязываются къ его стихамъ: „чувства добрыя я лирой пробуждалъ“, между тѣмъ, какъ исповѣдующіе „искусство для искусства“ декламируютъ обращеніе Пушкина къ толпѣ:

Подите прочь — какое дѣло
Поэту мирному до васъ! ²⁾.

„Долго, долго намъ еще предстоитъ углубляться и выяснять великій образъ Пушкина“ ³⁾. „Пройдетъ еще не одинъ десятокъ, а, можетъ быть, и не одна сотня лѣтъ прежде, чѣмъ поймутъ Пушкина во всей его бездонной глубинѣ и во всѣхъ изгибахъ его генія“ ⁴⁾.

Мы привели эти мнѣнія, какъ цѣнное доказательство той добросовѣстности и серьезности, къ которымъ пришла русская критика нашихъ дней. „Пушкина мы еще не знаемъ, не понимаемъ“. Печальный выводъ! И къ нему пришли мы послѣ вѣковаго знакомства съ Пушкинымъ, послѣ юбилея 1880 года, на которомъ никто не говорилъ, что *не знаетъ* Пушкина... Значитъ, теперь мы приступаемъ къ изученію нашего великаго писателя съ требованіями болѣе строгими. Са-

¹⁾ *Е. А. Соловьевъ*, „А. С. Пушкинъ въ потомствѣ“ („Памяти А. С. Пушкина“, юбил. сборникъ, изд. журн. „Жизнь“, 46).

²⁾ *С. А. Андреевскій*, Рѣчь на польскомъ обѣдѣ 23 мая въ честь Пушкина („Русско-Польскія отношенія и чествованіе поляками Пушкина“, 50).

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ *Н. И. Черняевъ*, „Подъ впечатлѣніемъ Пушкинскихъ дней 1899 года“ („Критическія статьи и замѣтки о Пушкинѣ“, Харьковъ, 1900, стр. 629).

мое признаніе нашего невѣдѣнія есть первый шагъ къ серьезному изученію безъ предвзятыхъ сужденій, безъ избытыхъ общихъ мѣстъ.

Впрочемъ, работы очень много впереди. Вѣдь мы не выяснили себѣ еще вліянія XVIII вѣка на русскую литературу, того вѣка, который своимъ изящнымъ космополитизмомъ, холодной ясностью раціонализма, своими политическими, философскими и эстетическими настроеніями такъ вліялъ на русское общество и этимъ самымъ создалъ ту атмосферу, которой дышалъ Пушкинъ-ребенокъ, отрокъ, юноша. Мы далеко еще не подвели итоговъ настроеніямъ русскаго общества 20 — 30-хъ годовъ, мы не изучили еще предшественниковъ Пушкина (напримѣръ, Жуковскаго), современниковъ (напримѣръ, Баратынскаго, Дельвига, Языкова, Бестужева-Марлинскаго и мн. др.)... Друзья и недруги поэта остаются еще вѣтши, не освѣщенные свѣтомъ исторіи. Чтобы сколько-нибудь приблизиться къ пониманію Пушкина, нужны намъ не общіе очерки біографіи поэта, о которыхъ печалится близорукая критика, а необходимъ цѣлый рядъ подготовительныхъ работъ. Необходимо прежде всего *детальное* изученіе пушкинскаго вопроса ¹⁾.

Оттого, замѣтивъ въ юбилейной литературѣ 1899 года ясную тенденцію идти именно этой дорогой, мы назвали нашъ праздникъ „академическимъ“ и нисколько не горевали, что изъ рукъ литераторовъ и публицистовъ Пушкинъ перешель въ руки ученыхъ критиковъ и изслѣдователей.

¹⁾ Проф. А. И. Кирпичниковъ, открывая въ 1898 году въ Императорскомъ Московскомъ университетѣ курсъ лекцій о Пушкинѣ, курсъ, который *никогда до 1898 года* въ Московскомъ университетѣ не читался, счелъ своимъ долгомъ объяснить трудность, почти невозможность научныхъ лекцій по новой русской литературѣ, совершенно неразработанной: „нѣмецкій профессоръ можетъ читать специальный курсъ, положимъ, хоть о Валленштейнѣ Шиллера во время его творчества, потому что въ Германіи всѣ предварительныя работы давно сдѣланы, матеріалы собраны; извѣстна изо дня въ день жизнь Шиллера и т. д. А у насъ далеко еще не собраны и не установлены самыя тексты нашихъ классиковъ, не говоря уже объ ихъ письмахъ, а равно ничего не сдѣлано для изученія среды, въ которой они жили и дѣйствовали“ А. И. Кирпичниковъ, „Объ изученіи пушкинскаго періода русской литературы“ (Пушк. Сборн., статьи студ. Имп. М. Univ., 1900, М. стр. 3 4).

Не входя пока въ подробную оцѣнку отдѣльныхъ работъ, перечислимъ наиболѣе крупныя и интересныя труды пушкинской литературы 1899 года. Прежде всего, конечно, останавливаетъ наше вниманіе первый томъ академическаго изданія сочиненій Пушкина. Имя покойнаго Л. Н. Майкова, редактора этого труда, говоритъ само за себя. Покойному же академику обязаны мы очень цѣннымъ собраніемъ матеріаловъ и очерковъ о Пушкинѣ (Л. Майковъ. „Пушкинъ. Біографическіе матеріалы и историко-литературныя очерки“. С.-Пб. 1899 годъ). Затѣмъ длинной вереницей идутъ сборники университетскіе: „Памяти Пушкина. Научно-литературный сборникъ, составленный профессорами и преподавателями Императорскаго университета св. Владиміра“ (Кіевъ, 1899). „Памяти А. С. Пушкина. Сборникъ статей преподавателей и слушателей историко-филологическаго факультета Императорскаго С.-Петербургскаго университета“ (С.-Пб. 1900). „Пушкинскій Сборникъ, статьи студентовъ Императорскаго Московскаго университета, подъ редакціею профессора А. И. Кирпичникова“ (Москва, 1900 г.). „Харьковскій Университетскій Сборникъ въ память А. С. Пушкина“. (Харьковъ, 1900). „Пушкинскій Сборникъ, изданный Императорскимъ Юрьевскимъ университетомъ“ (Юрьевъ, 1899). „Пушкинскіе дни въ Одессѣ 26—27 мая 1899 года. Сборникъ Императорскаго Новороссійскаго университета“. (Одесса, 1900)¹⁾. „26-го мая 1899 года. Рѣчи, произнесенныя въ день празднованія столѣтія рожденія А. С. Пушкина въ торжественномъ собраніи Историко-Филологическаго института князя Безбородка и состоящаго при немъ историко-филологическаго общества“ (Нѣжинъ, 1899). „Памяти Пушкина. Рѣчи, произнесенныя на торжественномъ засѣданіи Императорскаго Томскаго университета 26-го мая 1899 года“. (Томскъ, 1900 г.). Кромѣ университетскихъ сборниковъ останавливаютъ наше вниманіе—„Сборникъ статей объ А. С. Пушкинѣ“, изданіе Кіевскаго педагогическаго Общества, „Памяти Пушкина.

¹⁾ Рѣчи профессоровъ Варшавскаго университета составили юбилейный № „Русскаго Филологическаго Вѣстника“, 1899, № 3 -4.

Торжественное засѣданіе учено-литературнаго общества при Юрьевскомъ университетѣ 23-го мая 1899 года“, сборникъ журнала: „Русское Богатство“, (1899 г.), „Памяти А. С. Пушкина“, юбилейный сборникъ журн. „Жизнь“, С.-Пб., 1899 года, сб. газ. „Кавказъ“, „Кавказская поминка“, „Закаспійское Обзорніе“—и юбилейные №№—„Русскаго Филологическаго Вѣстника“, „Новаго Мира“, „Русской Старины“, „Историческаго Вѣстника“, „Русскаго Вѣстника“, „Мира Искусства“, „Образованія“, „Русской Школы“, „Журнала для всѣхъ“, „Мира Божьяго“, „Филологическихъ записокъ“ (статьи, впрочемъ, продолжались весь годъ), „Вѣстника Воспитанія“, „Кіевской Старины“, „Педагогическаго Сборника“, „Трудовъ Кіевской Духовной Академіи“, „Странника“, „Православнаго Собесѣдника“, иллюстрированныя приложенія газетъ „Новаго Времени“, „Новостей“ и др. Изъ отдѣльныхъ монографій, представляющихъ собраніе изслѣдованій и вышедшихъ отдѣльно, останавливаетъ на себѣ вниманіе по размѣрамъ работа Н. И. Черняева: „Критическія статьи и замѣтки о Пушкинѣ“ (Харьковъ, 1900).

Отлагая обзорніе всего написаннаго о Пушкинѣ и его произведенія въ 1899—1900 годахъ, равно какъ и оцѣнку вновь найденныхъ матеріаловъ и изданій — на дальнѣйшія главы, мы перейдемъ теперь къ характеристикѣ того общественнаго настроенія, которое вызвано было юбилеемъ 1899 года. И въ этомъ случаѣ можемъ мы смѣло сравнивать 1899 годъ съ 1880-мъ, и опять получимъ выводы, хотя и совершенно различные, но для нашего праздника отнюдь не печальные.

Мы говорили уже выше, что въ наши дни, въ виду пестроты настроеній „вожаковъ“ общественной мысли, нельзя было ожидать всенароднаго энтузіазма ¹⁾. Насъ даже пугали,

¹⁾ „... я сомнѣваюсь, чтобы наши дни могли быть сколько нибудь соответствующей обстановкой для поэзіи Пушкина. Наши дни — все еще „дни скорби и печали“, дни напряженныхъ поисковъ счастья и истины, дни ожесточенной борьбы человѣка съ человѣкомъ, и можетъ ли найти полные отзвуки своему господствующему настроенію Пушкинъ — этотъ *поэтъ свѣтлой жизни*, какъ превосходно назвалъ его Вл. С. Соловьевъ?“ (Е. А. Соловьевъ, „Пушкинъ въ потомствѣ“ („Жизнь“, юбилейный сборникъ, стр. 48).

что не будетъ на праздникъ никакого одушевленія ¹⁾, другіе утверждали, что никто не услышитъ ни одного искренняго слова, такъ какъ не будетъ тамъ ни одного честнаго чело-вѣка. Все будетъ—одна шумиха, фальшь, ложь... „Читая въ газетахъ, что на улицѣ русской литературы готовится въ память Пушкина небывалый по многолюдству и блеску праздни-къ, въ которомъ должна принять участіе вся интеллигенція Россіи, я невольно себя спрашиваю: кто же собственно изъ ея представителей, какое изъ шести ея колѣнъ ²⁾ по своимъ убѣжденіямъ, симпатіямъ и вкусамъ встрѣтитъ пушкинскій юбилей не съ равнодушіемъ, какъ случайное календарное празднество, а съ радостью и гордостью, какъ единственный по значительности праздникъ красоты и духовной свободы? Не наши ли радикалы, выросшіе на критикѣ Писарева и на увѣренности, что Пушкинъ—маленькій и миленькій верси-фикаторъ? Не экономическіе ли матеріалисты, убѣжденные въ томъ, что вся-то поэзія не болѣе, какъ пустяшная при-стройка, что-то вродѣ веселаго балкончика, на солидномъ зданіи экономическихъ отношеній? Не просвѣщенные ли ли-бералы, считающіе Пушкина дурнымъ гражданиномъ, въ ко-торомъ большой талантъ парализовался мелкимъ характе-ромъ? Не консерваторы ли, видящіе въ пушкинскомъ празд-никѣ, главнымъ образомъ, противовѣсъ (?) юбилею Мицкевича и чуть ли не одно изъ орудій славянскаго единенія? Нако-нецъ, не моралисты-ли, не могущіе простить Пушкину ни его грѣховной жизни, ни еще болѣе грѣховной смерти? Кто же, о Господи? Остаются еще символисты“ ³⁾... И символисты, по

¹⁾ „Никакого радостнаго возбужденія въ русскомъ обществѣ нѣтъ и быть не можетъ; этому мѣшаетъ все пережитое имъ въ послѣдніе мѣсяцы и переживаемое до сихъ поръ. Немыслимо душевное спокойствіе, пока изъ не-урожайныхъ губерній приходятъ вѣсти о постоянно усиливающемся народ-номъ бѣдствіи, пока подлежатъ спору существованіе самого земства и зем-ской школы, и мирового суда и т. д. Единодушія нѣтъ ни въ обществѣ, ни въ печати—нѣтъ даже по отношенію къ чествованію памяти Пушкина“ (статья писана до юбилея). („Вѣстникъ Европы“, 1899, № 6).

²⁾ См. выше о „шести“ теченіяхъ общественной мысли въ современномъ русскомъ обществѣ.

³⁾ Н. Минскій, „Завѣты Пушкина“, „Міръ Искусства“, 1899, № 13—14. Того же мнѣнія г. Д. Мережковскій въ статьѣ: „Праздникъ Пушкина“. (Тамъ же).